

Клуб Начинающих Писателей

МАРАФОН ЖИЗНЕЙ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Максим Геннадьевич Александров
Марафон жизней.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911975

ISBN 9785448567414

Аннотация

Мистика, печаль и лучи позитива – всё переплелось в наших жизнях и в нашем творчестве. 20 рассказов заставят вас выпасть из обыденного мира и погрузиться в мысли и чувства других людей. А ещё – в мысли и чувства животных. Мы постараемся сделать ваш день чуточку интереснее.

Содержание

Роман Ташлыков	5
Сонное море	5
Белка	10
История Дэна	12
Георгий Эристави	14
Ящик папиного стола	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марафон жизни

Сборник рассказов

Составитель Максим Геннадьевич Александров

ISBN 978-5-4485-6741-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман Ташлыков

Сонное море

Сколько себя помню, мы вдвоем с отцом жили на маяке. Старая башня из серого кирпича на скале у берега Сонного моря. Ночами мы зажигали огонь, встречали и провожали взглядом корабли. Я не видел людей на палубах, но отец говорил, что корабли всегда забиты до отказа. Иногда корабли шли нескончаемым потоком, в основном это были военные суда с тяжелыми пушками на борту. Такие ночи отец называл «плохими», хоть и не объяснял почему.

Когда я спрашивал о матери, отец всегда отвечал одинаково – «Она была чудесной женщиной» и сразу менял тему. На шее у меня, в память о маме, висел маленький медальон с выгравированным именем «Макс», моим именем. На обратной стороне медальона были выгравированы цифры, но они были затерты так, что невозможно было прочесть. «Последний подарок», говорил отец о медальоне и грустно улыбался. В тот день отец отправился на шлюпке на берег. Спустя час после его отбытия на горизонте замаячили черные, как смоль, тучи. Подул резкий ветер и поднялись высокие волны. Отца все не было.

«Маяк!» Мысль стукнула мне в голову, когда полил ли-

вень. Мы гасили лампы днем, чтобы не тратить драгоценное масло. Но из-за черных туч, закрывающих солнце, вокруг уже царила тьма. Я взбежал по винтовой лестнице на вершину маяка к чаше с лампами и заглянул по очереди во все масляные лампы, ни в одной не осталось ни капли масла. Отец не сможет вернуться, пока шторм не утихнет, его шлюпку просто разнесет в щепки. Я взглянул на горизонт. Стена шторма двигалась прямо на маяк, и маленький огонек раскачивался на волнах перед ней. Корабль!

Каждая секунда была на счету, огонек корабля шел неправильным курсом, прямо навстречу смерти. Я сбежал вниз и ринулся в подвальное помещение, здесь царила тьма и холодная влага. Бочка с маслом стояла в дальнем углу. Я обхватил ее двумя руками и попытался поднять, раздирая ладони. Она была слишком тяжелой. Я осторожно опрокинул бочку на бок так, чтобы её можно было выкатить наружу. С крышки бочки что-то со звоном упало на пол к моим ногам. У меня не было времени разбираться в темноте, я просто сгреб оброненный предмет и сунул в карман. Там, снаружи, корабль мчался на скалы со скоростью ветра. Ценой невысказанных усилий я выкатил бочку в жилое помещение. Теперь передо мной лежала длинная винтовая лестница. Каждые десять ступеней я опирался на стену, чтобы отдышаться и слушал раскаты грома. Кажется, прошла вечность, пока бочка вместе со мной не оказалась на вершине. Я бросил взгляд на горизонт и облегченно выдохнул, корабль был уже чер-

товски близко, но если он развернется прямо сейчас, то успеет уйти от столкновения.

Я выдернул пробку и, собрав все свои силы, обхватил бочку руками. Я сжал зубы, каждая мышца моего тела отозвалась тупой болью, но я смог поднять ее на уровень чаши. С великим наслаждением я смотрел, как масло заливается в первую лампу. Но затем подул штормовой ветер. Бочка выскочила из рук, покатила по скользкому полу, подпрыгнула на выступающем кирпиче и сорвалась с вершины маяка. Я услышал только треск, с которым она разбилась о скалы. Корабль подошел совсем близко. Я негнуцимися пальцами щелкал огнивом. Одна лампа наполнилась полностью, есть хоть какая-то надежда. Спустя секунду масло вспыхнуло, окатив меня жаром. Маяк слабо загорелся во тьме.

– Нет! Сюда нельзя! Разворачивайтесь! – я кричал, но ветер срывал мои слова с губ и уносил их в море. Я махал руками, я умолял корабль свернуть. И все таки когда они увидели огонь было слишком поздно.

Парусник резко развернулся, весла вгрызлись в воду, стараясь избежать столкновения. Острые камни врезались в бок корабля, разодрав обшивку в щепки. Я стоял и глядел на это сверху, застыв от накатившего ужаса. Я видел каждую секунду конца, как вода поглощала корабль, как люди пытаются отплыть, хватаясь за куски дерева. Но Сонное море было беспощадно, волны достигали человеческого роста и разбивали все, к чему прикасались. Я сел, опустил голову на ко-

лени, и заплакал.

Шторм стих только под утро. К маяку прибило обломки и куски. Я двигался как во сне мимо берега. У самой кромки воды что-то блестело. В песке лежал медальон, который прибило к берегу. «Луиза» было выгравировано на одной стороне, «1840—1872 гг.» гласила надпись на обратной. Медальоны лежали на песке, десятки, сотни медальонов.

Дрожащими руками я коснулся кармана. Там все еще покоился предмет, подобранный в подвале. Я вытащил его на свет. Такой же, только ржавый и потертый медальон. «Оливер», «1790—1840 гг.» Имя моего отца.

Тяжелая рука опустилась на плечо.

– Я давно хотел рассказать тебе, Макс... – по лицу отца бежали слезы.

И он рассказал.

«Все эти люди», – Оливер с тоской глянул на горизонт, – «Они плывут на этих кораблях обрести покой в землях Сна, потому что их срок на Земле подошел к концу».

Я никогда не задумывался, почему море называется Сонным и почему отец расстраивается, когда приходит слишком много кораблей.

«Мы с тобой не живы и не мертвы», – сказал он – «ты выпал за борт во время шторма и тебя прибило к маяку. Как и меня когда-то. Маяк сам выбирает себе нового зрителя.»

Пока он говорил, я трясся, как лист на ветру. Он нагнулся

ко мне, взял за плечи и сказал, глядя в глаза: «Может сейчас в тебе нет ни силы, ни мудрости, чтобы принять это. Но ты был избран, а значит тебе придется стать сильным и мудрым, Макс».

Его срок пришел пятнадцать лет назад. Пускай он не был мне настоящим отцом, но я любил его как родного. Однажды Оливер не проснулся утром, я положил его тело в шлюпку и отправил её дрейфовать в Сонное море. Я просто знал, что она найдет, где причалить в землях Сна.

А вчера вечером снова был шторм. К берегу прибило юного мальчика, на медальоне выгравировано имя «Стивен». Маяк выбрал нового зрителя.

Белка

«Ты, Лак’Тайли, прозванный Смерть-с-небес, первое копые Беличьего народа, позорно бежишь, поджав рыжий хвост, как какой-то паршивый кролик!».

Беличий гвардеец мчался по лесу быстрее ветра и на ходу проклинал сам себя. Цепкие лапы перескакивали с ветки на ветку, с дерева на дерево, но совиный патруль не отставал. Все звуки леса превратились в оглушающее хлопанье крыльев.

«Проглядел патруль, Лак’Тайли, прозванный Глаза-под-хвостом!»

Он несся по окраине совиных владений, раздирая шерстку о кору, еловые иглы и шишки. Куда бы он ни удирал, беличий запах стелился за ним, подсказывая совам дорогу.

«Люди!»

Смерть-с-небес чуть не споткнулся от неожиданной мысли.

«Люди так боятся перемен, что строят неприступные деревянные норы и живут в них всю свою жизнь», – говорила ему матушка, родившаяся в человеческой норе и сбежавшая в лес, когда её захотели продать другому человеку.

Гвардеец резко взял вправо и помчался по елям в сторону деревянных нор.

«Да, Лак’Тайли прозванный Голова-на-плечах, ты забе-

решься в Деревянную Нору, где человеческие детёныши кормили тебя орехами в прошлом году!».

От светлой мысли у гвардейца открылось второе дыхание, и он припустил с двойной скоростью.

«Любовь их безгранична, у меня всегда были лучшие орехи и чистая подстилка», – шептала ему матушка перед сном.

Солнце совсем село, гвардеец вымотался и с трудом различал дорогу в темноте, он чувствовал, как за спиной смыкаются острые когти патруля.

«Еще немного, Лак’Тайли, прозванный Скачущий-безустали». Впереди замаячил спасительный свет.

Смерть-с-небес выпрыгнул из чащи и резко остановился, лес обрывался и дальше стелился карьер. Там, где росли Деревянные Норы теперь сновали Стальные Медведи, разрывая, сгребая и выравнивая землю.

«Но запомни главное, что я поняла о людях. Люди действительно готовы продать все, если цена их устроит».

Лак’Тайли запыхался, боль в груди стала невыносимой. Бежать больше некуда. Он развернулся в сторону леса и в этот момент над ним распахнулись десятки совиных крыльев.

История Дэна

Брошь в форме звездочки – это все, что мне осталось от матери. После её смерти отец собрал все фотографии в доме и отнес в подвал, в котором не горел свет. Бывало, отец спускался вниз со свечой и всю ночь рыдал там, думая, что я не слышу. На следующее утро он накидывал старое пальто и уходил в город, прихватив с собой пару домашних вещей, что можно было легко продать. После несчастного случая с матерью он нездорово беспокоился, что я могу навредить себе или убежать. И запирали меня в единственной комнате с замком. В подвале, в полной темноте, исключая тонкий лучик света, проходившего сквозь наглухо заколоченное окно. «Я скоро вернусь», говорил он и оставлял мне с собой несколько одеял. Но один раз забыл.

Стояла середина ноября, и ударили первые заморозки. В тот день снова хлопнула дверь и вокруг сомкнулась привычная тьма. Мысль о забытых одеялах пришла только тогда, когда наступили сумерки и земля стала промерзать. Я поджал ноги, спрятал кисти рук в карманы и нащупал онемевшими пальцами знакомое тепло. Звездочка. Мамина брошь словно сияла во мраке. Жалкий свет из окошка собирался вокруг нее, танцуя и извиваясь. Завораживающее зрелище. Искорки на поверхности серебра собирались в картины. Нет, в целые истории. Далекие глубины космоса, холодные объём-

тия Арктики, нечто страшное, холодное и... Прекрасное.

В тот раз отец вернулся только под утро. Я часто обращаюсь к этим воспоминаниям. Распахивается дверь и в лучах яркого света он, шатаясь, спускается по ступеням. Обнимает меня, неподвижного, и рыдает. А я засыпаю, не в силах пошевелиться.

С того случая отец перестал пить. Но я все равно тайком спускался в подвал с маминой брошкой и разглядывал игру света на серебряной поверхности. Так и собирались истории, которые выросли со временем в целые книги. Мне трудно сказать, злюсь ли я на отца. Жизнь наказала его за каждый из грехов. Но иначе, я бы никогда не открыл для себя этот мир. И еще ужаснее, не открыл бы его вам.

Георгий Эристави

Ящик папиного стола

Эмиль Яковлевич увидел направленное на него дуло пистолета и побледнел. Он представил себе, как вылетающая из этого ствола пуля пронзает его тело, и совсем не рассчитывал, что его жизнь может закончиться так бездарно и быстро. Он сделал пару шагов назад, к двери, нащупал дрожащей рукой ручку и потянул на себя. Но дверь не поддавалась. Подлые мысли завертелись в голове Эмиля Яковлевича, пальцы судорожно дергали ручку в разные стороны, дверь наконец открылась и выпустила его в спасительный коридор.

В графе «имя» ее свидетельства было записано «Жеральдина», а в качестве места рождения значилась Германия. Дина росла обычным ребенком. По утрам она съедала завтрак, брала портфель и шла в школу – мимо забора военного городка, дворничихи у входа, здоровалась – сначала по-немецки, потом по-русски, отсиживала в классе положенные часы и шла домой. Затем она съедала обед и выходила во двор, где чаще всего играла с мальчишками в войну. Она носила платье, но это была неподходящая одежда для таких игр. С девочками она тоже играла, но они были скучны.

Потом семья уехала в Россию, их замотало по стране,

и к восьмому классу Дина оказалась в небольшом городе, где-то между Казанью и Пермью. Родители удачно, как они полагали, устроили ее в школу для умственных спортсменов повышенного уровня. В классе все сидели парами, и только одно место за задней партой было свободно, туда Дина и села. Учителя были к ней равнодушны, соседкой оказалась болтливая толстушка Марта, с остальными отношения так и не заладились.

Благодаря Марте Дина быстро узнала все самые тусовочные места в городе, но везде скучала, пока не оказалась на репетиции группы «Девелоперз». На полу полутемной каморки, расположенной в пристрое мебельного склада, лежал облезлый ковер, в центре ковра стоял микрофон, стену подпирал высокий худой парень и что-то бубнил на бас-гитаре, далее высилась барабанная установка, в которой сидел толстый лысый малый и показывал чудеса, но главное чудо свершилось, когда к микрофону вышел он – длинноволосый, тауированный и веселый – Джокер. И полетели искры. Дина впервые в жизни почувствовала, как по коже бежит электричество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.